

Остывший в чашке чай

...ЧАЙ В ЧАШКЕ совсем остыл. Почти прозрачный полумесяц лимона свесился с края блюдца и уже начал подсыхать, покрываясь темной корочкой.

Эмма все продолжала помешивать ложечкой янтарную жидкость, так и не прикоснувшись к ней. Порой казалось, что она разговаривает даже не со мной и не с собой вовсе, а с тем, кого рядом с ней нет уже много лет. По залу кафе пролетали стайки худеньких студенток-щебетушек. Женщина провожает их спокойным взглядом: однажды наступает возраст умиротворения, когда чужая молодость не раздражает, не вызывает зависти, а количество карат в бриллиантах давно не повышают самооценку. Но остается вязкое ощущение: именно богатые плачут гораздо больше. Потому что теряешь ровно столько, сколько имеешь. Она это поняла, когда буквально в одночасье начала рушиться не только маленькая империя ее мужа, но и ее личная жизнь. Лучше бы этого не было: бешеных денег, многочисленных квартир, машин, дефицитной когда-то икры банками, золота – коробками. За все приходится платить. Видимо, в какой-то момент жемчуг в их жизни оказался чересчур крупным...

Отец обожал Эмму, он и по сей день души в ней не чаёт. Они всегда понимали друг друга с полуслова: вместе много читали, говорили обо всем на свете. Отец – ее идеал. А он всегда был человеком не только образованным, интеллигентнейшим, но еще и всеми уважаемым, заботился, чтобы его любимая дочь и супруга были на высоте. Мама в их небольшом городке слыла модницей, Эмма – первой красавицей и умницей. А поскольку девушка не чувствовала себя обделенной ни в чем, она не стремилась ни к состоятельным кавалерам, ни к тряпкам. Обожала поэзию, живопись, музыку. Ее розовые очки потом долго еще были притчей во языцех среди близких и знакомых.

Первый удар был предательски неожиданным. В институте – Эмма училась в областном центре – познакомилась с замечательным парнем: дружили, имели массу общих интересов. Готовились к свадьбе. Счастливая невеста уже купила себе свадебный наряд. Молодой человек погиб под колесами электрички – дикая случайность. Эмма не могла прийти в себя года два, возможно, дольше. От воспоминаний сбегала в Магнитку. Устроилась учительницей в школе, получила комнатушку в коммуналке, окружила себя хорошими подругами, интересными друзьями и книгами. Георгий появился в ее жизни неожиданно: совсем молодой, светлоглазый – во всех смыслах, симпатичный, как известный в те годы киноактер. Он возник на пороге ее комнаты вместе с братом: «Поживем?» Брат хотел найти тут работу, но, в конце концов, его докторский диплом пришелся ко двору в одной из клиник столицы. А вот приятель его в ту давнюю пору задержался – поступал в институт, да

За свои измены он задаривал ее бриллиантами

КОЛМАК > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

математику завалил. Подруги Эммы сразу смекнули, что к чему: запал парень на молодую хозяйку, приутившую ребят на время. Девушка и сама уже заметила особое расположение к ней Георгия. Неделя за неделей, она даже выставляла несколько «вешек», по которым отмечала траекторию развития их отношений. Все шло резко вверх. Молодой человек, хоть и была Эмма старше его на несколько лет, заигнотизировал ее многими талантами – даром художника, начитанностью, общительностью, трудолюбием, и, конечно, красивым ухаживанием за ней.

Однажды мы с ребятами гуляли по городу: тихий августовский вечер, уже солнце садится. Перед скорым отъездом ребята собирались выпить пива на последние полтора рубля Георгия. А мне надо домой. В районе «Юности» и прежде женщины сидели с цветами на продажу, – Эмма вспоминает минувшее с улыбкой. – И я подумала: если он на последние деньги купит мне цветы, я выйду за него замуж. Если нет – не судьба!

И вот они проходят мимо тетушек с букетиками. У девушки аж сердце екнуло. И вдруг Георгий резко останавливается, словно его кто-то толкнул, и возвращается. Парни спрашивают: куда? Но Эмма-то уже знает, зачем тот остановился. Георгий молча покупает три гвоздики (каждая по 50 копеек) и протягивает подруге. Эмма решила: значит, последнее станет делить с ней. Вот так она своего человека и угадала. Впрочем, всего в жизни не угадаешь...

Он всегда был очень артистичным, – рассказывая о любимом, моя собеседница преображается на глазах. – Мы друг друга дополняли. А еще он был самостоятельным и взрослым не по годам. Он хоть порой и предлагал мне расстаться с розовыми очками, но, думаю, именно

за эти самые очки меня и полюбил. Каюсь, и по сей день не распрощалась со своими идеалами. И по-прежнему обманываюсь в людях. Напридумываю о них бог весть что, а на поверку получаю меркантильность или еще что-то в этом роде. Ужасюсь, разочаровываюсь, прощаю и опять ошибаюсь...

Первые годы их супружеской жизни были насыщены трудностями и радостями, встречами и прощаниями. Георгий поступил-таки в институт. У них родилась дочка. Эмма взвалила на себя все заботы о муже-студенте и крохе. Но молодого главу семейства призвали в армию. И тут проявились особые черты его характера: он ухитрялся даже из армии помогать своим девочкам. Посылки шли от него постоянно: гречка, тушенка, шоколадные конфеты, сгущенное молоко... Во времена очередей и пустых прилавков такая «гуманитарная помощь» была не просто кстати, она казалась чудом. Эмма гордилась своим избранником – он оказался настоящим мужчиной.

Через два года он вернулся чутько другим. Перевелся на заочное отделение, пошел работать, – Эмма говорит об этом периоде жизни семьи с особым умиротворением в голосе. – Все шло гладко. А тут кооперативы пошли. Он свое дело одним из первых в городе организовал. И вот когда его предприятие начало набирать обороты, превращаясь в большой бизнес, все и началось...

По словам Эммы, у Георгия прорвалась такая страсть к торговле, что молодая женщина даже удивлялась этому невиданному рвению. Время было сумасшедшее, нужно было брать кредиты – речь о гигантских суммах. Далекую от всей этой кухни Эмму все это пугало.

Я плакала, умоляла остановиться, словно чувствовала, что он не потянет либо что-то случится. Но поначалу все было прекрасно. Он так взлетел! И все же медные трубы пережить не сумел. А времена начались страшные, – Эмма замолчала на минуту, снова помешала в чашке холодный чай. – Его дело поперло: грузы шли уже не машинами и даже не вагонами, а эшелонами.

Поначалу, когда в разрастающуюся фирму приходили новички, Георгий старался проводить своеобразный, как сейчас сказали бы, фейс-контроль, к которому непременно привлекал супругу. Он доверял ее интуиции и житейскому опыту. Но в какой-то момент он перестал обращаться за помощью к жене. Его начали окружать новые лица – сначала мужские, а затем и женские.

Уже спустя много лет после разлуки я анализировала: почему не смогла ничего изменить, почему растерялась? – раздумывает моя собеседница. – Может, потому что из моего любимого человека столько всего доселе неизвестного выявилось. Как с этим жить, не знала. Он начал мне изменять, причем в открытую: в его новом окружении все так делали. Обычно независимый, он стал опасаться выглядеть белой вороной. Масло в огонь подливала лесть подчиненных и тех, кто зависел от его денег. Их запахи притягивал, за них окружающие были готовы на все.

Забегая вперед, Эмма резюмирует все выше сказанное: закончилось тем, что из фирмы тащили и везли все, что был к имуществу поближе. Муж в командировке за границей, а его замы орудуют вовсю. Они, по сути, и обобрали своего босса, подставив его под невероятные долги. Впрочем, это случилось не сразу. Период резкого

взлета и постепенного падения длился четыре года. Для Эммы это было мучительное время разочарования и страдания. Богатство ее пугало: зачем пять машин? к чему столько квартир? Он торопился наполнить чашу до предела, а она в толк не могла взять, почему вещи для семьи – рубашки, блузки, куртки – нужно покупать десятками, а те же колготки – сотнями штук? Она останавливала мужа: богатство порождает зависть – людям есть нечего, а у нас все коробками. Видел бы он, с каким выражением глаз провожали вереницу его коробок бабушки у подъезда! А зависть может разрушить что угодно, была уверена женщина. Но ее интуитивный страх за семью вызывал у супруга лишь довольную улыбку: я такой, я все могу! Он не боялся осуждения, пренебрегал им что ли...

Лишнее меня отталкивало, – вспоминает Эмма. – Я вся в бриллиантах, но меня это не радует. А потом он зачастил в командировки. Это позже я поняла: готовил плацдарм в другом городе. А я все продолжала думать, что мы вместе. Но недомолвки между нами уже появились. Мы ведь как хорошо прежде жили: вместе работали, вместе несли в дом свою копейку и тратили эти небольшие средства с легкой душой и осознанием полезности каждого рубля. Теперь все стало иначе.

Я-то все к его ногам! А он... И какой был позор, какая бесконечно тревожимая рана! Звонили «доброжелатели»: а твой муж сидит в ресторане с такой-то, проверь, мол. Я делилась с подружками. Но те лишь подогревали. Помочь было некому. Страдала гордость, – видимо, никогда для этой женщины не кончатся те страшные воспоминания. – Подала заявление на развод, но он убедил не спешить. И все равно верила, думать не хотела, что он может вот так предать – жила еще прежней большой любовью, на-

деялась на возвращение былого взаимопонимания и гармонии. А ведь предал! Я за него уже даже не боролась. Настолько к тому времени была измучена его обманом и жестокостью, которая выражалась не в словах, а в поступках.

Первое время, осознавая свою неправоту, Георгий приходил домой с повинной головой: вставал на колени, целовал руки, просил прощения. Эмма плакала и прощала. А потом он перестал говорить какие-либо слова в свое оправдание, а раскаяние сменил на ритуал дароприношения: он просто высыпал перед супругой несколько коробок золота. Она не понимала этого жеста, ее это даже оскорбляло. Как себя вести? Обманутая женщина растерялась окончательно. Ей и в голову не приходило, что иные мужчины именно так могут искать отпущения причиненной ими же обиды. А потом был женский голос в телефонной трубке: «Спросите обо мне у Георгия». А еще истерика Эммы и один и тот же, как на старой пластинке, вопрос к мужу: «Она кто? Она кто?»

После разрыва некогда обеспеченной женщине пришлось в буквальном смысле слова выживать: они с дочерью стали заложницами разваливающейся империи отца-бизнесмена. Эмма столкнулась с той самой жизнью «по понятиям», которые каждый трактует на свой манер. Кому-то покоя не давали ее несгибаемость и непреклонность. А он, единственный и все еще любимый, сбегал, бросив на прощанье, что скоро их заберет к себе.

С тех пор прошло уже много лет. Ждать его она перестала, осознав всю разрушительность этого ожидания. Сказала себе однажды: если суждено вновь быть вместе, то это все равно случится. Эмма не судит его, скорее, переоценивает. Но и по сей день ей очень трудно произнести вслух слова: «Мой муж подлец». Не то чтобы она надеется на него, но не хочет думать о нем плохо даже из самолюбия: потому что он много лет был с ней, потому что он отец ее ребенка, и, наконец, потому что она не могла выбрать плохого человека.

Георгий настоящий трудяга с большой буквы. Он не из тех, кто ляжет на диван и станет плевать в потолок, – сейчас Эмма не желает говорить о Георгии в прошедшем времени. – Он талантлив в общении с людьми. У него много в душе хорошего. Я знаю, что он о нас всегда думает. Он и дочери сказал: выивает только я!

Эмма пыталась наладить свою личную жизнь. Но, увы, мужчины стали для нее одинаковы – они могут быть жестокими.

Но винить их в этом смысла нет, – уверена Эмма. – Тем более, куда уж деваться двум душам, ставшим однажды родными? Можно разбежаться в запале, но как можно разделиться, если в ребенке слилась наша кровь? Нельзя пренебрегать отцом детей. Однажды я – о, ужас! – даже пыталась проклясть его, но это лишь оттого, что сильно тоскую по нему и очень скучаю... Ой, да у меня же в чашке совсем чай остыл! (X)

ТАТЬЯНА ТРУШНИКОВА

Прошли годы, но она по-прежнему обманывается в людях